

ГОГОЛЬ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ЖИВОПИСЦЕВ

АРТ-ЭКСКУРС

САМАРА, 2019

Министерство культуры Самарской области

**Государственное бюджетное учреждение культуры
«Самарская областная юношеская библиотека»**

443110, г.о. Самара, пр. Ленина, д. 14, тел.: (846) 334-23-52, 334-45-80
ОКПО 2188551/ОГРН 1026301176076 /ИНН 6316034649 / КПП 631601001
сайт: www.soub.ru e-mail: soub@soub.ru vk: [bookcity](https://vk.com/bookcity)

ГОГОЛЬ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ЖИВОПИСЦЕВ

СЦЕНАРИЙ АРТ-ЭКСКУРСА

Самара, 2019

ББК 85.147.5

Г 58

«Гоголь глазами русских живописцев»: арт-экскурс /Самарская ОЮБ; сост. Е.Е. Цупрова; отв. за вып. Е.А. Иванова. –Самара, 2019.

Отзывы и предложения просим направлять по адресу:

443110 г. Самара, пр. Ленина, д. 14

Самарская областная юношеская библиотека

Телефон 8(846) 334 – 45 – 80

Е-mail: ivanova@soub.ru

Сайт Самарской ОЮБ: www.soub.ru

© ГБУК «САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ЮНОШЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

ГОГОЛЬ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ЖИВОПИСЦЕВ

СЦЕНАРИЙ АРТ-ЭКСКУРСА

Экскурсовод 1

Необычная, очень противоречивая личность Николая Васильевича Гоголя, его весьма странное творчество породили немало загадок. Ответ на них стремится найти не одно поколение литературоведов, психологов и просто читателей.

Экскурсовод 2

Одна из таких загадок – внешний облик писателя. Каким он был – лукавым или простодушным, модником или неряхой, балагуром-весельчаком или меланхоликом? Читателю ведь всегда интересно знать – кто стоит за Текстом.

Экскурсовод 1

Портретная живопись — это не только черты лица, но и характер. Поэтому наибольшую ценность представляют портреты, написанные при жизни. Николаю Васильевичу Гоголю посчастливилось дружить со многими интереснейшими художниками своего времени. Несмотря на застенчивость, закомплексованность, скептическое отношение к своей внешности (особенно носу) Николай Васильевич в дружеской обстановке охотно позировал. Живописцы пытались уловить и сохранить для потомков облик великого современника. Но это оказывалось непростой задачей. Сам Гоголь признавался: *«Писать с меня весьма трудно! У меня по дням бывают различные лица, да иногда и в один день несколько разных выражений!»*

Экскурсовод 2

Давайте рассмотрим самые известные портреты писателя. Их дополняют воспоминания современников, которые лично общались с Николаем Васильевичем.

Экскурсовод 1

1832 год – год первого литературного триумфа писателя. Вышли в свет «Вечера на хуторе близ Диканьки». Очарован книгой и художник Алексей Гаврилович Венецианов. В 1833 г. писатель и художник познакомились. Конечно, эта встреча не могла не завершиться созданием портрета писателя.

На портрете Венецианова перед нами предстает молодой Гоголь-романтик. Художник запечатлел Николая Васильевича в один из самых счастливейших периодов жизни. Гоголь дал тогда себе своеобразную клятву: *«Я свершу!.. Я свершу! жизнь кипит во мне»*. Он воодушевлен, он верит в себя. Как из рога изобилия сыплются из-под пера Николая Васильевича сказки, байки, анекдоты, предания, забавные остроумные «штучки-шуточки».

Живописец точно передал тогдашний облик писателя. Это восторженный, добродушно-веселый, хотя и не без «доли лукавства» молодой человек.

Экскурсовод 2

Из воспоминаний писателя и друга Гоголя Сергея Тимофеевича С.Т. Аксакова:

«Наружный вид Гоголя был тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок, большие и крепко накрахмаленные воротнички придавали совсем другую физиономию его лицу: нам показалось, что в нем было что-то хохлацкое и плутоватое. В платье Гоголя приметна была претензия на щегольство. У меня осталось в памяти, что на нем был пестрый светлый жилет с большой цепочкой».

Экскурсовод 1

На портрете Венецианова Николай Васильевич одет и причесан по моде, с претензией на щегольство. Кажется, что лучи славы освещают изображение писателя. Мы видим счастливое, воодушевлённое лицо, победно взбитый кок на голове. Портрет имеет приятный желтовато-жемчужный тон (отпечаток с литографского камня). На официально заказанном портрете, видимо, к изданию своих первых повестей сказочного и романтического характера, Гоголь сам хотел так выглядеть.

Экскурсовод 2

Николай Васильевич Гоголь

ПОРТРЕТ

Встречи с Венециановым, взгляды художника на искусство были тогда для Гоголя исключительно важны, помогая знакомству с бытом и психологией художников, – он начал писать повесть «Портрет». В ней, не называя имени Венецианова, Гоголь высказал свое понимание его личности и его взглядов на искусство: *«Смотри, брат, – говорил своему ученику Черткову не раз его профессор, – у тебя есть талант... смотри, чтоб из тебя не вышел модный живописец. Берегись. Тебя уже начинает свет тянуть, уж я вижу у тебя иной раз на шее щегольской платок, шляпа с лоском... оно заманчиво, можно пуститься писать модные картинки, портретики за деньги. Да ведь на этом губится,*

а не разворачивается талант». В этом монологе профессора, заложены художественные принципы Венецианова.

И дальше Гоголь характеризует художника, создавшего мистический «портрет ростовщика»: *«это был художник каких мало, одно из тех чуд, которых извергает из непочатого лона своего только одна Русь, художник-самоучка».*

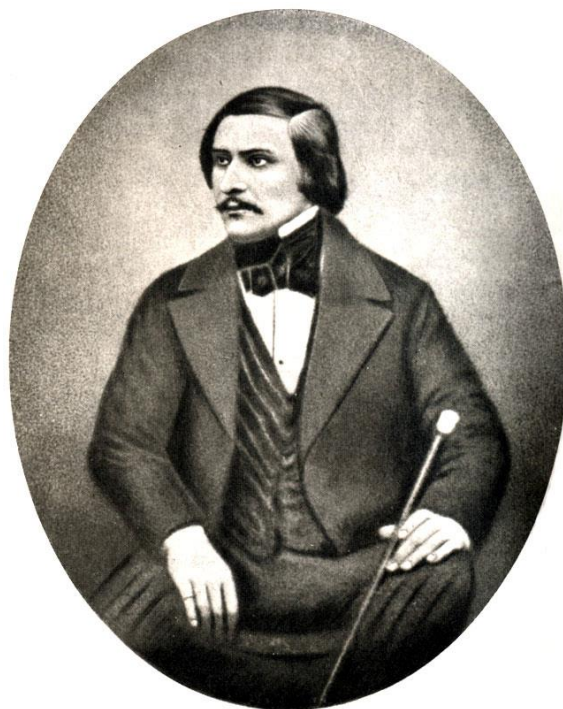
Экскурсовод 1

Поездка в Рим в 1840 году дала возможность Гоголю познакомиться со многими русскими живописцами.

Николай Васильевич не был в Италии ни туристом, ни эмигрантом. Рим стал для него своеобразной художественной мастерской, идеальным местом для творчества. Здесь он писал «Мертвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями».

Пребывание Гоголя в Италии совпало с одним из лучших и наиболее ярких периодов существования русской художественной колонии в Риме. Великое прошлое Италии, ее древние памятники, мягкий климат, образ жизни беспечных, веселых и талантливых людей — все это вместе взятое всегда привлекало в эту страну праздных путешественников и любознательных туристов. Философы, писатели и живописцы находили здесь неиссякаемый источник вдохновения. На протяжении нескольких веков Рим был «Академией Европы», ее главным художественным учебным центром.

Русские мастера, попавшие из холодного Петербурга и Академии художеств, где властвовали строгие педагоги и «рутина» обучения, в безмятежную атмосферу южного города, в котором отсутствовали строгие органы контроля, наслаждались непривычной свободой, самозабвенно предавались праздности и ничегонеделанию. Скромные средства стипендии обеспечивали молодым людям вполне безбедное существование.

Экскурсовод 2

Оказавшись «в радостном плену» итальянской жизни, не все русские пенсионеры могли посвятить себя только работе. Гоголь в письме к однокласснику и другу Александру Семеновичу Данилевскому от 13 мая 1838 года писал: *«Что делают русские питторы [художники], ты знаешь сам. К 12 и 2 часам к Лепре, потом кафе Грек, потом на Монте Пинчи, потом в Vongout, потом опять к Лепре, потом на бильярд».* Писатель справедливо указывал на малограмотность художников, отсутствие у них интереса к серьезной (да и специальной) литературе. Так, говоря об архитекторе Ефимове, Гоголь едко замечал, *«что он имеет благородное обыкновение, свойственное, впрочем, всем художникам, не заглядывать в книги».*

Экскурсовод 1

Среди русских художников, искавших знакомства со знаменитым писателем, Николай Васильевич выделял немногих. *«Люди, знавшие его и читавшие его сочинения, были вне себя от восторга и искали случая увидеть его за обедом или за ужином, но его необщительная натура и неразговорчивость помаленьку охладили этот восторг, — вспоминал гравёр Федор Иванович Иордан. — Только мы трое: Александр Андреевич Иванов, гораздо позже Федор Антонович Моллер и я оставались вечерними посетителями Гоголя, которые были обречены на этих ежедневных вечерах сидеть, и смотреть на него, как на оракула и ожидать, когда отверзнется его уста».*

Художники и писатель вместе не только распивали чай и философствовали в квартире Николая Васильевича, но и совершали приятные путешествия по окрестностям Рима.

Экскурсовод 2

Поддавшись всеобщей творческой атмосфере, царившей в городе, Гоголь сам взялся за кисть. Когда в свите наследника престола Александра Николаевича в Рим приехал Василий Андреевич Жуковский (с середины 1838 по 17 февраля 1839 года), они вместе ходили на этюды, зарисовывали понравившиеся виды. После его отъезда Николай Васильевич с грустью вспоминал: *«Теперь жаль на минуту оставлять Рима — так он хорош и такая бездна предметов для рисования. Доживу ли я до того времени, когда вновь сядем вместе оба с кистями? Верите ли, что иногда, рисуя, я, позабывшись, вдруг оборачиваюсь, чтобы сказать слово вам».* В том же письме к другу Гоголь посылал подробный «отчет» о продолжении художественных занятий: *«Моя портфель с красками готова, с сегодняшнего дня отправляюсь рисовать на весь день,*

я думаю, в Колизей. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовал рисовать. Краски ложатся сами собою, так что потом дивишься, как удалось подметить и составить такой-то колорит и оттенок». Писатель чутко подмечает изменения в облике весеннего Рима и пишет Жуковскому: «Если бы вы остались здесь еще неделю, вы бы уже не принялись за карандаш. Колорит потеплел необыкновенно, всякая развалина, колонна, куст, ободранный мальчишка, кажется, воют к вам и просят красок. Как чудно!». Наряду с поэтическими описаниями пробуждающейся природы, Гоголь дает меткие характеристики отдельным персонажам: «Вчера, например, когда я рисовал, стал прямо против меня мальчишка, у которого были такого рода странные штаны, каких, без сомнения, ни один портной не шил. В Колизее... толпы народа и монахи с белыми бородами и одетые все снизу доверху в белое, как древние жрецы. Драпировка чрезвычайно счастлива для нашего брата Mezzo [наполовину] художника. Один взмах кисти — и монах готов. Вчера солнце осветило мне одного из них, тогда как все прочие были обняты тенью. Это было прелесть как эффектно и как легко рисовать». Обратите внимание – какое меткое и само-ироничное определение на итальянский манер -«Меццо-художник»!

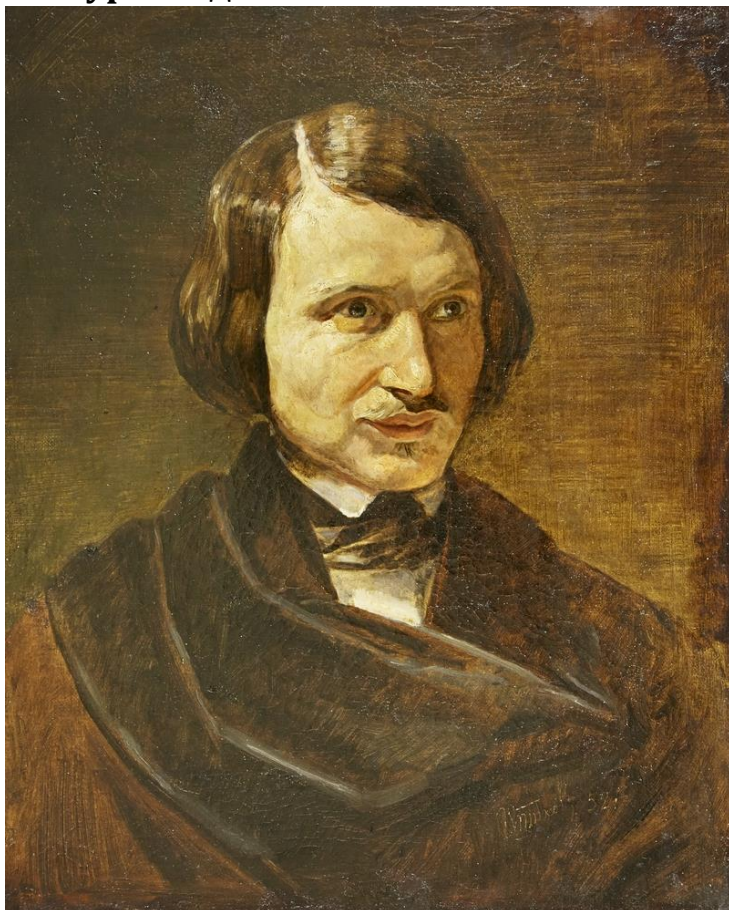
Экскурсовод 1

Особый вклад в портретную галерею писателя безусловно внес Федор Антонович Моллер. Молодой офицер, вышедший в отставку, он был, как когда-то и Гоголь, вольноприходящим учеником в Академии художеств, работал под руководством знаменитого Карла Павловича Брюллова. В 1838 году на собственные средства Моллер отправился в Рим для совершенствования мастерства. Как вспоминал гравёр Федор Иордан, «красивый, молодой дворянин и художник с

блестящим талантом и хорошими средствами, всегда веселый и крайне старательный» выделялся в среде русских пенсионеров.

Экскурсовод 2

Самый ранний портрет Гоголя кисти Федора Моллера был написан во время одного из путешествий по римским окрестностям (на это указывает дорожный плащ, в который изящно закутался писатель).

Непосредственное восприятие модели и характер живописи (едва намеченный фон, применение пастозных быстрых мазков) свидетельствуют о том, что этюд был исполнен с натуры за один сеанс. Лицо Гоголя повернуто в полупрофиль. Оно сильно освещено лучами заходящего солнца.

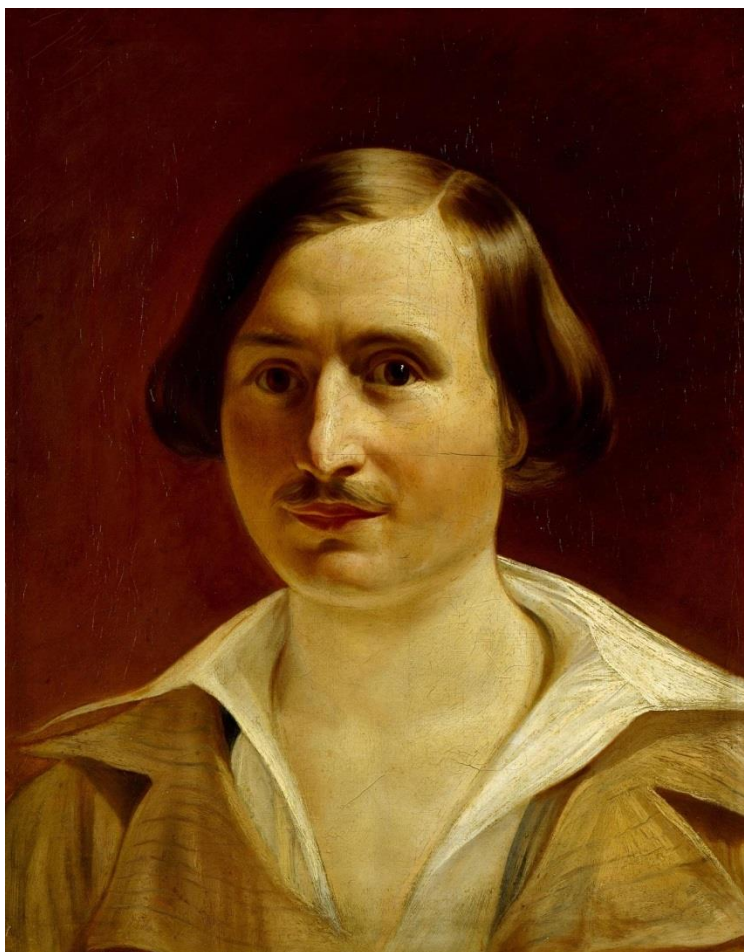
На губах улыбка, загадочная и несколько саркастическая. Голова писателя слегка наклонена вниз, он смотрит исподлобья. Писатель словно всматривается из своего «итальянского далека» в Россию и пытается понять: *«Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром, разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства»*.

Портретист не акцентирует внимание на характерной форме гоголевского носа, над которым писатель сам неоднократно подтрунивал. «Быть может вам, — писал Гоголь М.П. Балабиной, — так же точно представляется мой длинный, похожий на птичий нос». Пробор, в отличие от всех других гоголевских портретов, находится на левой стороне.

Экскурсовод 1

Следующим по времени исполнения моллеровский портрет Гоголя (начало 1840-х годов), вероятнее всего, был написан художником в тот краткий период жизни, когда писатель находился в относительно гармоничном состоянии духа. Друг Николая Васильевича, литературный критик Павел Васильевич Анненков, приехавший в Рим в конце апреля 1841 года, нашел писателя «совершенно прекрасным, дружелюбным, радостным, таким, каким мы его знали в Петербурге в 1836 году».

Погрудное изображение носит камерный характер.

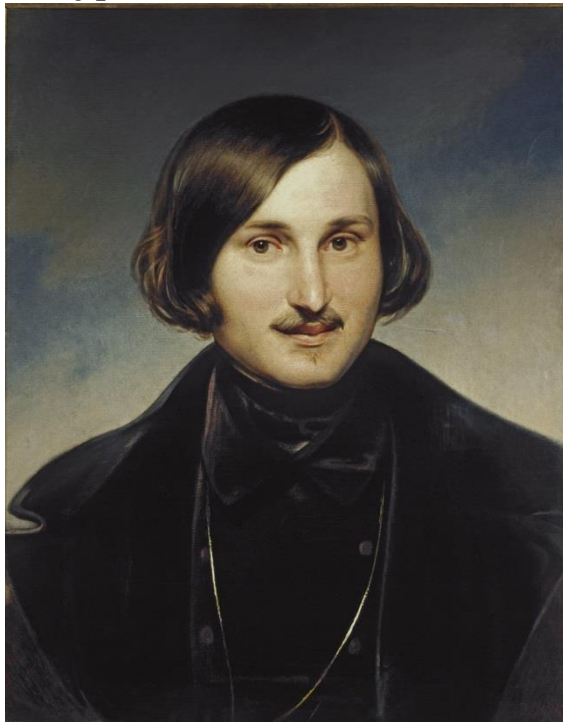
Писатель представлен в домашней обстановке: на нем полосатый халат, белоснежная рубашка с отложным воротником, небрежно распахнутая на груди. Однако волосы тщательно расчесаны на привычный «гоголевский» пробор, подчеркнута «шелковая скобка волос», кокетливо подбриты усики. Ясный взор тридцатилетнего литератора, его молоджавое лицо с полноватыми розовыми щеками, а также контрасты света и тени красных мазков фона, белильных в рубашке и оливково-зеленоватых в ткани халата — все это придает произведению романтический характер.

Художник запечатлел Гоголя в период творческого подъёма, восторга от того, все получается, продвигается работа над «Мертвыми душами». *«По светлому выражению его лица, да и по самому предложению видно было, что впечатления диктовки привели его в веселое состояние духа. Это оказалось еще более на дороге. Гоголь взял с собой зонтик на всякий случай, и как только повернули мы налево от дворца Барберини в глухой переулок, он принялся петь разгульную малороссийскую песню, наконец пустился просто в пляс и стал вывертывать зонтиком на воздухе такие штуки, что не далее двух минут ручка зонтика осталась у него в руках, а остальное полетело в сторону. Он быстро поднял отломленную часть и продолжал песню. Так*

отозвалось удовлетворенное художническое чувство: Гоголь праздновал мир с самим собою».

С «живописной характеристикой» Моллера во многом совпадает описание внешности Гоголя, данное чуть позднее другим учеником Брюллова художником Михаилом Ивановичем Железновым. *«Гоголь пришел к Брюллову вместе с Бруни, — вспоминал он посещение писателем мастерской Брюллова вскоре после его возвращения из Италии в 1849 году. — <...> Костюм Гоголя состоял из серых шароваров, из черного бархатного короткого сюртука и из небрежно повязанного на шею малинового шелкового платка, на котором лежал довольно широкий, ненакрахмаленный воротник рубашки. Неблагородство манер Гоголя сразу озадачило меня; в сравнении с портретом, показался мне молоденьким и свеженьким огурчиком».*

Экскурсовод 2

Самый известный, самый «парадный» портрет Гоголя был написан Моллером в 1841 году по просьбе писателя для матери Марии Ивановны. *«Слышал я, — вспоминал литератор и историк Николай Васильевич Берг, — что он заказан был Гоголем для отсылки в Малороссию, к матери, после убедительных просьб целого семейства. Гоголь, по-видимому, думал тогда, как бы сняться покрасивее: надел сюртук, в каком его никогда не видели, ни прежде, ни после; растянул по жилету невероятную бисерную цепочку; сел прямо, может быть, для того, чтобы*

спрятать от потомков, сколь возможно более, свой длинный нос, который, впрочем, был не особенно длинен».

В отличие от двух более ранних изображений, несущих отпечаток живой натуры и непредвзятости, на этот раз портретист специально продумал композицию, позу, выражение лица и, конечно, костюм. Писатель одет в сюртук, глухо застегнутый на все пуговицы, шелковый шейный платок, щегольски повязанный на шее, дорогая золотая цепочка — все эти приметы «официального» облика Гоголя, появлявшегося в свете. Характер нарядного костюма и прическа придают некую достойную и благородную светскость и вместе с тем аккуратность, прилизанность.

Парадный облик модели придает не только одежда, но и «искусственная» улыбка, «которая никогда не составляла главной принадлежности его лица» (П.В. Анненков).

Литератор, фольклорист и этнограф Пантелеймон Александрович Кулиш свидетельствовал: *«Гоголь просил Моллера написать его с веселым лицом, "потому что христианин не должен быть печален", и художник подметил очень удачно привлекательную улыбку, оживлявшую уста поэта; но глазам его он придал выражение тихой грусти, от которой редко бывал свободен Гоголь. Судя по этому портрету, автор "Мертвых душ" одарен был наружностью, которая не бросалась в глаза с первого взгляда, но оставляла приятное впечатление в том, кто его видел, а при повторенных свиданиях заохочивала изучать себя и наконец делалась дорогою для сердца».*

Экскурсовод 1

Художнику, который близко знал писателя, удалось передать две стороны его жизни, наложившие печать на весь облик. С портрета на нас смотрит лицо доброе, благодарное и светлое. Гоголь как бы говорит: "У меня на душе хорошо, светло". Простота, гармония, счастье, довольство жизнью, радость как будто струятся с портрета. Гоголь мягкий и умиротворённый, возможно, «виноваты» в этом мягкие складки бархатного халата, приятный контраст жемчужных бликов рубашки и тёплый тон коричневатой-красной ткани.

Лицо писателя – светлое пятно в портрете; все остальное: волосы, шинель, сюртук, платок, подхватывающий под самый подбородок шею, большая часть фона – выполнено в темной тональности. Что-то мрачное, несчастливое, недоброе чувствуется в этой темноте.

С.Т. Аксаков в «Воспоминаниях» описывает облик вернувшегося в тот же год из Италии Гоголя: «Гоголь воротился уже совсем не тем франтиком, каким уехал за границу в 1836 году и каким изображен на портрете, рисованном А.Г. Венециановым. Наружность Гоголя так переменилась, что его можно было не узнать. Прекрасные белокурые густые волосы лежали у него почти по плечи, красивые усы, эспаньолка довершали перемену. Черты лица получили совсем другое значение».

Портрет получился удачным. В нем Гоголь вполне соответствовал общепринятым представлениям о нем. Федор Иордан считал, что "портрет, написанный Моллером, - верх сходства". Популярности этого изображения Гоголя способствовал перевод живописного оригинала в гравюру.

Экскурсовод 2

По мнению современников, к наиболее правдивым и интересным прижизненным изображениям писателя можно отнести и портреты, созданные Александром Андреевичем Ивановым.

Встреча в Италии этих талантливых людей положила начало творческой и человеческой дружбе. Дружба эта прочно сохранялась многие годы. И это тем более поразительно, что различие их характеров доходило почти до полной противоположности. Гоголь все быстро схватывал своим

насмешливым умом. Замеченное в жизни он имел способность довести до гиперболы, заострить почти до чудовищных форм. Иванов, неторопливый, неповоротливый, не блещущий находчивостью, неспособный к насмешке, боязливый ко всему слишком едкому, подолгу вынашивавший свою мечту, чуждый всему обыденному, обладал, зато той подкупающей теплотой, той верностью взгляда и вдумчивостью, которая давала ему счастливое чувство меры.

При всем различии характеров, Гоголя и Иванова объединяло очень многое – вера в преображающую силу искусства и высокое назначение художника, а также давний интерес Гоголя к живописи. С Александром Ивановым Гоголя сближала и самоотверженная отдача художником всего себя любимому искусству, и широта грандиозного замысла, и мечта о прекрасном человеке, очистившемся от земной скверны. Подвижническая работа Иванова над картиной перекликалась с работой Гоголя над поэмой «Мертвые души».

По признаниям самого живописца, Гоголь — «важнейший из людей», встреченных им в жизни. В одном из писем отцу художник делился своими впечатлениями от встречи с Николаем Васильевичем: *«С некоторыми русскими приезжими я знаком. И в особенности с лучшим нашим литератором, с Н.В. Гоголем. Это человек необыкновенный, имеющий светлый и высокий ум и верный взгляд на искусство ... Как поэт, он понимает глубоко, чувства человеческие он изучил и наблюдал их. Словом, человек самый интереснейший, какой только может представиться для знакомства. Ко всему этому он имеет доброе сердце».*

В Иванове Гоголь обрел воплощение своих представлений об идеальном художнике – бескорыстном, целеустремленном, бесконечно преданном искусству. Иванов становится прототипом созданного писателем во второй редакции повести «Портрет» (1842) образа гениального живописца-труженика.

Для Гоголя Иванов воплощал самые высокие представления об искусстве. Его подкупало в нем то, что он был украшен «мудрою скромностью и смирением». Он находил у Иванова тот возвышенный строй воображения, который казался ему самой заманчивой и завидной участью художника.

В спорах, которые велись среди художников русской колонии, Гоголь все более переходил на сторону Иванова. Писатель вовсе не собирался ни «выводить» его в своей повести, ни приписывать его черт своему герою. Но знакомство с Ивановым помогло ему отстоять свое убеждение — в чем заключается призвание подлинного художника. Иванов давал Гоголю наглядное представление о художнике, посвятившем свое дарование высоким достоинствам человека.

Экскурсовод 1

На портрете, созданном Александром Ивановым, Николай Васильевич предстает перед зрителем не в парадных одеждах, как на портрете Моллера, а в обычном домашнем халате красного цвета, из-под которого выглядывает белый воротничок рубашки. Волосы и усы также причесаны без претензий, вполне по-домашнему - слегка сбиты, без обязательной в то время «прилизанности». Николай Васильевич выглядит уютным, спокойным, слегка задумчивым и строгим.

Писатель словно застигнут врасплох. Отсутствие аксессуаров вполне отвечало романтическому духу эпохи, подчеркивало независимость персонажа.

В портрете нет лишних аксессуаров, которые отвлекли бы зрителя от персоны Гоголя. Несмотря на демократическую форму изображения, модель дается в сложном душевном состоянии. Кисть гениального художника позволяет чувствовать и скрытые грани характера. Во взгляде - пока укрощенную творческую энергию, в лице - некую напряженность. Автор смог в этой камерной работе точно передать нюансы душевного состояния и характера Гоголя.

Портрет написан в сдержанных тонах, небольшое количество цветов придают ему строгость и особенность, на изображении Гоголь словно оживает.

Рассматривая портрет, чувствуется особый дружественный подход и трепет художника, знание тонкости характера Гоголя, его мимики, прихотливой игры настроений.

Сам Гоголь был не слишком доволен своим изображением. В ноябре 1843 года в одиннадцатом номере журнала «Москвитянин» М. П. Погодин напечатал литографию, представляющую автора «Мертвых душ» по портрету Иванова. Гоголь, который подарил эту картину своему гостеприимному хозяину в Москве в знак дружеского расположения, задохнулся от гнева, увидев, что тот воспользовался ею без его ведома. В его сознании этот портрет должен был оставаться в тайне до завершения его главного произведения. Выставить ее сейчас на обозрение толпы значило предать и выставить писателя на посмешище. В письме своему другу Степану Петровичу Шевыреву, он возмущался: *«Рассуди сам, полезно ли выставить меня в свет неряхой в халате, с длинными взъерошенными волосами, усами? Разве ты сам не знаешь, какое всему этому дают значение? Но не для себя мне прискорбно, что выставляли меня забулдыгой. Но, друг мой, ведь я знал, что меня будут выдирать из журналов. Поверь мне, молодежь глупа. У многих из них бывают чистые стремления; но у них всегда бывает потребность создать себе каких-нибудь идолов».*

Но, пожалуй, здесь можно не согласиться с писателем. Талантливая работа Иванова отличается благородной простотой, душевностью, живостью, романтичностью и большой выразительностью.

Экскурсовод 2

С Гоголем связано и создание самого популярного, знакового полотна Александра Иванова «Явление Христа народу». Живописец создавал художественное произведение великой идеи – о духовном преображении человечества с наступлением христианской эры. Казалось бы, это далеко от того, что писал в ту пору Гоголь. Однако вот что вспоминала в 1846 г. Варвара Николаевна Репнина, образованнейшая женщина того времени и друг Николая Васильевича: *«Я прочла «Мертвые души». Гоголь мужественно погружается в грязь, испытав ее смрад, он из среды этого гнилого омута кричит людям: «минуйте, минуйте этот омут!» Величавая простота, глубокомысленный смех, целительная ирония красноречиво говорят о любви к ближнему, о желании быть полезным людям, о желании исправления людей ... лицо его носило отпечаток перемен... в его душе. Прежде одна ирония показывалась наружу. Его боялись. Теперь он снисходителен. Он дышит христианством... «Вы меня поняли», – сказал он мне».*

Гоголь нередко приходил в мастерскую Иванова, который писал его портрет. Но, и помимо портрета, Николай Васильевич по просьбе художника позировал ему для персонажей его картины. Иванов сделал для своей картины ряд эскизов с Гоголя, проникновенно передав на них вдохновенно аскетический облик писателя. В «Явлении Христа (Мессии)» есть фигура человека с седеющими волосами, худым, заостренным лицом, в хламиде бруснично-желтоватого цвета (этот персонаж получил имя Ближайший). Это Гоголь. Он стоит вполоборота, приотвернувшись в скорбно-суровой позе в той группе людей, которая завершается двумя всадниками. Гоголь смотрит на Христа, сомневается словно, боится верить своим глазам. Сходство Ближайшего с Гоголем абсолютно. Дело не только во внешних характерных чертах. Это портрет духовного смятения, сокрушенности, покаяния и страха грешника, его униженности. Это Гоголь, сознающий свою греховность. Художник выделил в писателе чувство сомнения как главное качество. Экспрессия фигуры потрясает: внутреннее состояние выражено наклоном головы и очертанием уныло опущенного, потерявшего свою колючесть клюва-носа из-под шапки спутанных волос.

Впоследствии в картине художник перестроил образ Гоголя в противоположном психологическом ключе: он стал раздумчив. Этот уникальный портрет остался как свидетельство духовной драмы.

Экскурсовод 1

Мы завершаем наш экскурс. Перед нами предстали разнообразные портреты Гоголя. Они продемонстрировали шутливую склонность писателя к игре, к маскараду. Он предстает то самоуверенным щеголем, то в плаще романтического путника, то в уютном халате, то прилизанным и аккуратным, то кающимся грешником в хламиде ... Все портреты, безусловно, интересны нам тем, что были одобрены самим Гоголем. Гоголь сам видел или хотел себя видеть именно таким. Созданные друзьями-живописцами портреты писателя, как и книги Николая Васильевича, отразили пеструю мозаику граней его личности.

Экскурсовод 2

Читайте произведения Гоголя и создавайте свой, собственный портрет абсурдного, веселого, меланхолического классика!

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

- Анисов, Л. М. Александр Иванов / Л.М. Анисов. — Москва : Молодая гвардия, 2004. — 320 с.; ил. — (Жизнь замечательных людей).
- Виноградов, И. Явление картины - Гоголь и Александр Иванов / И. Виноградов // Наше наследие. - 2000. - № 54. - С. 110-125. : ил.
- Маркина, Л.А. Гоголь среди художников / Л. Маркина // Наше наследие. - 2009. - № 89/90. - С. 36-43 : ил.
- Маркина, Л. А. Живописец Федор Моллер/ Л.А. Маркина. – Москва: Памятники исторической мысли, 2002. - 272с.;ил.
- Орлова, Е. Алексей Гаврилович Венецианов / Е. Орлова. - Москва : РИПОЛ классик, 2014. - 37, [1] с. : цв.ил. - (Великие художники России) (История русской живописи : в 20 книгах).